

- 19 Th. Adorno. Soziologische Schriften, Bd., I, S. 366.
- 20 Revolution and Class struggle, p. 186.
- 21 Le Monde, 4 mai 1980, p. XVI.
- 22 L'Esprit, 1976. fevr., No. 2, p. 253.
- 23 Partisan Review, 1977, No. 2, p. 180.
- 24 А.Я. Гуревич. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, с. 13.
- 25 Там же.
- 26 L'Esprit, 1978, No. 7-8, p. 27.
- 27 O. Sik. Der dritte Weg. Hamburg, 1972, S. 209.
- 28 См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 496-497 — о коренном отличии европейского исторического развития от азиатского.

О ФАКТОРАХ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИХ КРИЗИСЫ СИСТЕМ СОВЕТСКОГО ТИПА В 80-е ГОДЫ *

Я не намерен заниматься пророчествами относительно дальнейшего развития систем советского типа. Я остановлюсь только на общих чертах, характерных для тенденций, которые в своей основе обусловлены этой системой и которые вызывают и будут вызывать кризисы в странах, где советская система установилась. Я попытаюсь также ответить на конкретный вопрос: какими новыми, в прошлом еще не проявившимися последствиями, могут быть чреваты кризисы системы советского типа и попытки их преодоления в 80-е гг. Я постараюсь проанализировать этот вопрос на основе данных о внутрисистемном развитии системы советского типа и с учетом международных связей.

Тенденции, проявляющиеся в процессе преодоления кризиса социально-политических систем советского типа

Опыт показывает, что институты, возникшие в Советском Союзе в 30-е годы, не претерпели *качественных изменений*: по-прежнему существует полное слияние политической и экономической власти; люди по-прежнему зависят и в социальном смысле от политической власти; абсолютная власть по-прежнему сконцентрирована в руках центра коммунистической партии; по-прежнему отсутствует обратная связь между обществом и властью и по-прежнему действует механизм политического надзора, ограничения информации и контроля над умами людей.

* Отрывок из книги Zdeněk Mlýnář. Krize v sovětských systémech 1953 - 1981 (Příspěvek k teoretické analýze), Index, Kōln, 1983.

Исходя из этого опыта можно предположить, что несмотря на произошедшие за последние 25 лет перемены, присущие системе факторы, обуславливающие ее кризисы, будут действовать и в 80-е годы, т.е. и в 80-е годы будет ограничиваться способность социальных субъектов и общества как целого к самоуправлению.

Карл В. Дейч так определяет условия, в которых субъект может сам собой управлять:

”Самоуправляемый коллектив постоянно должен получать три вида информации: во-первых, информацию об окружающем мире; во-вторых, информацию о прошлом, и, в-третьих, информацию о себе и других элементах, составляющих общество, в котором данный коллектив функционирует. Если же один из этих потоков информации оказывается нарушенным или засекреченным, общество трансформируется в автомат. Оно теряет контроль над действиями не только составляющих его элементов, но и над своими собственными”. *

По этой же причине ограничиваются способности отдельных субъектов к самоуправлению, поскольку их автономия ограничивается отсутствием обратной связи между субъектом и окружающей его средой, связи, посредством которой субъект получает информацию, необходимую ему для независимого принятия решений. Именно поэтому каждая политическая власть стремится в какой-то степени нарушить эту связь. Однако при тоталитарной власти обратная связь контролируется полностью, то есть сама власть определяет качественный и количественный характер этой связи.

Основываясь на этом критерии, можно сделать вывод, что политическая власть, господствующая в настоящее время в странах советского блока, хотя и отличается от политической власти сталинских времен, продолжает оставаться тоталитарной.

В современных социально-политических системах советского типа социальные субъекты — индивидуумы, социальные группы, общественные институты — не имеют такой информационной об-

* K.W. Deutsch, *Nervy vlady*, Praha 1971, Str. 215-216.

ратной связи, которая позволила бы им самостоятельно определить свои цели и средства их достижения, самостоятельно выбрать оптимальные с их точки зрения меры. Автономия субъекта во всех этих областях ограничена политической властью — и не тогда, когда субъект реализует самостоятельное решение, а уже тогда, когда субъект свое решение только определяет.

Все это звучит весьма абстрактно, но именно ограниченная автономия субъекта является общим знаменателем тех конкретных проблем, которые обуславливают постоянно повторяющиеся кризисы: т.е. недостаточная самостоятельность ”социалистических предприятий”; отсутствие импульсов, стимулирующих инициативные и экономически эффективные действия производителей; цензура; искаженные представления граждан и органов власти о действительности; отсутствие творческой свободы; низведение правосудия до роли орудия государственной власти и т.п.

В странах, где установилась советская система, методы политической власти изменились за истекшие 25 лет, но не исчез тотальный контроль этой власти над обществом. Когда же при проведении реформ сверху (как в Чехословакии в 1968 г.) или в результате нажима снизу (как в Польше в 1981 г.) стало невозможно осуществлять тотальный контроль, его восстановили силой.

Попытки смягчить этот контроль неизбежно будут предприниматься и в будущем, поскольку невозможно подавить стремление людей к независимости, к самостоятельному решению своих дел.

Законцованный круг, в котором до сих пор вращаются системы советского типа, является результатом того, что хозяйственная деятельность этих стран, их внутриобщественные связи и культурное творчество направлены на достижение одной-единственной цели — на воспроизводство существующей в этих системах структуры власти. И как только задачи экономики, общественного развития и культуры ставят под угрозу структуру власти, власть, ради собственного спасения, подавляет естественные потребности общества.

Каких же социально-политических изменений системы советского типа следует ожидать в самом ближайшем будущем? Ответить на этот вопрос можно только гипотетически, однако, для

формулировки некоторых гипотез уже имеются серьезные основания, вытекающие из опыта прошлых лет.

В *экономической области* можно ожидать, что факторы, которые вызвали кризис в промышленно развитых государствах (например, в Чехословакии и ГДР), проявятся и в СССР. Широкие возможности маневрирования, возникшие благодаря концентрации экономической и политической власти в руках одного центра, в прошлом позволяли экстенсивно развивать экономику советского государства. Но как только факторы экстенсивного развития исчерпывают себя и не могут больше обеспечивать рост экономики, решающее значение приобретают факторы интенсивного развития: рост производительности труда, введение технических новшеств, проявление личной инициативы и повышение эффективности экономики.

Недостатки, характерные для экстенсивного развития экономики, при этом не исчезают: сельское хозяйство продолжает отставать от промышленности, различные отрасли промышленности продолжают развиваться неравномерно и часто в зависимости от того, какой из них отдается предпочтение по политическим соображениям. Все это обуславливает постоянную нехватку многих товаров, а в результате — наличие черного рынка. Производственные предприятия по-прежнему руководствуются директивными показателями плана, а это, в свою очередь, снижает эффективность производства (чрезмерное потребление сырья и энергии; образование крупных запасов сырья, полуфабрикатов и резерва рабочей силы; подавление новаторства, которое могло бы привести к повышению плановых показателей в будущем; низкое качество изделий; отсутствие интереса к потребностям рынка и чрезмерная заинтересованность в выполнении плановых показателей безотносительно к их экономической целесообразности и т.д.). Эти явления, имевшие место и в прошлом, приобретут особое значение, когда даже в СССР уже нельзя будет развивать экономику экстенсивно, и мне думается, что советская экономика уже вошла в этот этап.

В прошлом серьезные экономические кризисы преодолевались в странах советского типа в основном двумя способами:

1. Обычно экономика этих стран оказывалась в кризисном положении (как, например, в начале 60-х годов) после того, как в стране на протяжении нескольких лет осуществлялись нереаль-

ные капиталовложения, когда перед народным хозяйством ставились совершенно невыполнимые требования. И все же выходу из кризисного положения в какой-то степени способствовало положительное влияние капиталовложений прошлых лет; именно эти, пусть и неразумные капиталовложения, способствовали новому подъему экономики. Поэтому некоторые экономисты-теоретики говорят о "квази-циклах" кризисов, о "политических циклах" в народном хозяйстве, организованном по советскому образцу. Причину этих кризисов авторы таких теорий видят в "волюнтаризме" и "субъективизме" правителей.

2. Если же в кризисном положении оказывались конкретные отрасли (в сфере производства, потребления или науки), то для решения возникшей проблемы центр политической власти прибегал к чрезвычайным мерам — для данной отрасли директивно создавались особые привилегированные условия, обеспечивавшие заданные темпы роста (разумеется, опять-таки за счет других отраслей). Так, например, в некоторых отраслях военной промышленности и в области связанных с ней исследований такой способ предупреждения кризиса стал нормой.

Наступивший в конце 70-х годов спад экономического роста такими мерами вряд ли можно будет приостановить, поскольку причины кризиса 70-х годов уже нельзя объяснить "волюнтаризмом", а в привилегированных условиях нуждались в 70-е годы все отрасли хозяйства.

Разразившийся в странах советского типа в конце 70-х годов экономический кризис отличался от прошлых и тем, что не все обусловившие этот кризис факторы вытекали из сущности данной системы. Напротив, некоторые причины кризиса совершенно конкретны:

— энергетические ресурсы европейской части СССР уже не могут покрыть потребности всего советского блока. В то же время ни технический уровень, ни финансовые возможности СССР недостаточны для эксплуатации залежей энергии в тяжело доступных районах Сибири. Это обстоятельство ставит под угрозу экономическое развитие всех европейских государств советской сферы влияния, поскольку они целиком зависят от поставок энергетического сырья из СССР;

— с середины 70-х годов в странах — членах СЭВ постоянно снижается эффективность капиталовложений, то есть на каждый процент прироста национального продукта необходимо затратить больше капиталовложений, чем в прошлом;

— кроме СССР, который как экспортер нефти и природного газа получает прибыль от т.н. Terms-of-Trade, рост мировых цен на эти продукты создает серьезные трудности для других стран — членов СЭВ. Задолженность этих стран Западу и попытки улучшить баланс внешней торговли, в свою очередь, отрицательно влияют на развитие торговых отношений этих стран с Западом и их экономическое развитие вообще;

— расходы на вооружение и сохранение советского влияния в разных концах земного шара постоянно растут, и это тоже ограничивает возможности экономического развития стран советского блока.

В результате воздействия перечисленных выше факторов экономическое развитие советского блока в 80-е годы неизбежно замедлится. Это, кстати, предусматривают и официальные планы хозяйственного развития стран советской сферы влияния. В действительности же замедление оказывается еще больше запланированного.

Вряд ли поэтому следует рассчитывать, что недостатки, вызванные имманентными для советской системы факторами, будут сглажены благоприятными внешними обстоятельствами. Ни перечисленные выше факторы экономического развития стран — членов СЭВ, ни явления, обуславливающие кризис западной экономики, не дают оснований для таких надежд. К середине 80-х годов экономический кризис в странах советского типа отметит свое десятилетие, что полностью разрушает миф об иммунитете советской экономической системы к кризисам.

В Советском Союзе экономический кризис 80-х годов выдвигает принципиальный вопрос: могут ли существующие ныне в советской системе связи между экономикой и политической властью обеспечить динамическое развитие экономики и вывести ее из состояния упадка? При рассмотрении этого вопроса необходимо исходить из того, что страны советского типа все еще не достигли экономического уровня индустриальных стран Запада, что в странах с советской системой лишь недавно стали

действовать экономическо-социальные механизмы современных индустриальных обществ и что элементарные потребности большей части населения советского блока по сравнению с развитыми странами Запаदा удовлетворяются недостаточно.

Системы советского типа еще не достигли этапа "благополучия", на котором уже находятся развитые западные государства. Экономический кризис 80-х годов наверняка затормозит достижение такой степени "благополучия". Это замедление может быть чревато серьезными социальными последствиями, которые, в свою очередь, придадут экономическому кризису еще более острый характер, поскольку относительное удовлетворение потребительских потребностей населения стран советского типа как раз-то и стало одним из важнейших факторов сравнительной стабилизации этих стран в конце 60-х годов. Я вовсе не утверждаю, что в 80-е годы этот фактор перестанет действовать. Уровень жизни в странах советского типа низок, и потребительские требования населению приходится удовлетворять при постоянной нехватке отдельных товаров, поэтому и при неизменном уровне жизни можно повысить удовлетворение потребностей населения, и только возросшие трудности, еще большие перебои в снабжении продовольствием и товарами широкого потребления (как это произошло, например, в Польше) могут привести к взрыву недовольства и массовым волнениям.

Весьма возможно, что экономический кризис затронет и другие стороны жизни населения стран советского блока. Так, например, "скрытая безработица", то есть экономически неэффективная занятость, может привести в 80-е годы к серьезным последствиям. Усилится, например, давление "скрытой безработицы" на уровень зарплаты, в результате чего реальная зарплата не только не возрастет, а вследствие роста инфляции уменьшится, что может поколебать лояльность населения по отношению к режиму, поскольку она поддерживается удовлетворением населения предметами первой необходимости.

Можно предположить, что в 80-е годы понизится уровень всех участков социального обслуживания (удовлетворения духовных запросов, здравоохранения, культурного обслуживания и т.п.), что, в свою очередь, подорвет социальную уверенность населения. Можно ожидать, что в странах советского типа возникнет массовая безработица — это может произойти в случае лик-

видации неэффективных производственных предприятий, изменения структуры и переквалификации рабочей силы и т.п.

Наш анализ исследует, в основном, вопрос, *могут ли страны советского типа преодолеть надвигающийся на них кризис без изменения системы, без изменения общественно-политических связей, которые в этой системе установились*. Однозначно на этот вопрос ответить невозможно, поскольку кризисные явления в экономике стран советского типа вызваны множеством причин, и не все они, как мы уже говорили выше, вытекают из системы самой. Не вызывает, однако, сомнения, что именно экономические причины заставят в ближайшие годы со всей серьезностью изучить влияние системных факторов на экономику стран советского блока. Этот вопрос уже ставился в прошлом, но почти двадцать лет назад его сняли с повестки дня. Однако этот старо-новый вопрос требует, в свою очередь, решения смежного вопроса, а именно: увязки экономических реформ с политическими, что поставит руководство стран советского блока перед теми же проблемами, которые остались нерешенными в 50-е и 60-е годы.

И в будущем, при решении возникших проблем, руководство будет стремиться сохранить тоталитарный характер своей власти. Однако наряду с этим стремлением более заметно проявятся также стремления к изменению структуры тоталитарной системы, особенно в тех областях, где существующая структура тормозит экономический рост. Как первая, так и вторая тенденции имеют своих проводников в странах советского типа. Поэтому можно предположить, что в 80-е годы среди власть имущих возникнут такие же разногласия, как в 1953-1956 гг. Тогда, после смерти Сталина, в центре внимания оказалась роль аппарата, осуществлявшего массовый террор; сейчас же, в 80-е годы, на повестку дня выходит роль аппарата, осуществляющего руководство народным хозяйством. Составные части советской правящей элиты — политическая (партийная и государственная) бюрократия, экономическая бюрократия, полицейский аппарат и армия — вынуждены будут выработать свою позицию относительно главной причины кризиса, но на этот раз причину составляет целый комплекс проблем, связанных с управлением экономикой.

Уже сейчас можно определить некоторые исходные пункты

дебатов: часть политической бюрократии, полицейский аппарат, а при обсуждении отдельных вопросов и военные, будут стремиться к тому, чтобы задачи воспроизводства существующей структуры власти сохранили свое первоочередное значение по сравнению с задачами обеспечения динамики экономического воспроизводства. Другая часть политического и влиятельная часть хозяйственного аппарата будут защищать противоположную тенденцию. На практике это противоречие не проявляется в чистом виде, как может показаться на первый взгляд, так как все эти группы связывают и смежные интересы. В 1953 г. почти все группы правящей элиты были заинтересованы, чтобы полицейский аппарат перестал быть "государством в государстве", поскольку всемогущий полицейский аппарат угрожал всем. Некоторые общие интересы будут объединять эти группы и в 80-е годы и прежде всего их общая заинтересованность в сохранении жизнеспособности общественно-политической системы, неотделимой частью которой эта элита является.

Трудно определить, спустя какое время этот общий для правящей элиты интерес начнет определять поведение всех ее групп. Можно, однако, предположить, что по мере обострения экономического кризиса и опасности массового сопротивления режиму, будет укрепляться единство всех групп элиты. Пример Польши 80-х годов неизменно окажет влияние на все страны советского блока.

Рассуждая теоретически, можно было бы предположить, что страны советской сферы влияния пойдут по пути отделения политической власти от экономической, поскольку такая мера позволила бы на некоторое время хотя бы отчасти стабилизировать систему. Правда, центр политической власти уже не мог бы по-прежнему полностью контролировать экономическую жизнь страны, но зато экономические субъекты приобрели бы большую автономию. При этом оставшиеся за политической властью возможности контроля над обществом обеспечили бы ведущую позицию этой власти в стране. Для того, чтобы такое положение создалось в СССР, советское руководство должно пойти по пути хотя бы таких экономических реформ, задачей которых будет не оптимальное развитие советского народного хозяйства, а достижение неизменного уровня жизни и обеспечение основных потребностей населения минимум на 10 лет. Напомним, что в 70-е

годы обеспечение основных потребностей населения стабилизировало положение в восточноевропейских государствах.

Реформа управления народным хозяйством, которая могла бы привести в Советском Союзе к аналогичным результатам, была бы *технократическо-бюрократической реформой*, не нарушающей характерных для советской системы связей: то есть обусловленные самой системой причины нынешнего кризиса действовали бы и в дальнейшем, но благодаря реформе кризис можно было бы на время преодолеть.

Проведение такого рода реформы в Советском Союзе привело бы к таким последствиям:

- государственные предприятия, главным образом, в легкой промышленности оказались бы под большим давлением рынка в связи с количеством, качеством и ассортиментом изделий; возросшее в результате реформы предложение, в свою очередь, повысило бы значение потребительских факторов, поскольку исчезли бы трудности, вызванные хроническим дефицитом различных изделий;

- возросло бы значение принципа материальной заинтересованности, который сейчас из-за невозможности приобрести на заработанные деньги нужные людям товары, особой роли не играет;

- автономия предприятий промышленности товаров широкого потребления способствовала бы устранению резких диспропорций в советской экономике, таких, как предпочтительное отношение к отраслям тяжелой промышленности, хроническое отставание сферы обслуживания и т.п.;

- автономия промышленных предприятий, производящих изделия для сельского хозяйства (сельскохозяйственные машины, искусственные удобрения и т.д.), способствовала бы координации деятельности этих отраслей с потребностями сельского хозяйства;

- сельскохозяйственное производство тоже попало бы под влияние рынка, что способствовало бы устранению диспропорций между промышленным сектором народного хозяйства и сельскохозяйственным;

- большая автономия предприятий в области капиталовложений и использования рабочей силы способствовала бы сокращению "скрытой безработицы", поскольку более гибко регулировалось бы распределение трудовых резервов.

Все эти результаты могут быть достигнуты в Советском Союзе. Более того, они могут быть достигнуты даже в том случае, если останутся нерешенными некоторые принципиальные общественно-политические проблемы. Автономные предприятия продолжали бы оставаться государственными, т.е. под контролем бюрократии, а к решению проблемы коллективной собственности, связанной с самоуправлением производителей, в течение определенного периода можно было бы вообще не приступать.

Для того, чтобы такого рода реформа преодолела существующий ныне кризис, наряду с реформой, но независимо от нее необходимо решить следующие вопросы:

- проблему эффективного использования новых источников сырья в азиатской части СССР (что вряд ли можно осуществить без участия иностранного капитала);

- проблему внедрения новой техники в советском хозяйстве (как посредством расширения и улучшения научно-исследовательской деятельности в Советском Союзе, так и путем обеспечения доступа к иностранным новшествам);

- проблему соблюдения экономически приемлемого уровня советских расходов на вооружение.

Эти три проблемы, однако, связаны с внешней политикой.

Таким образом, подытоживая сказанное, мы утверждаем, что борьба среди власть имущих в СССР в 80-е годы будет вестись, в первую очередь, в связи с выбором решения экономических проблем, причем в поддержку проведения начертанной нами реформы будут действовать следующие факторы.

Советское общество уже находится на таком этапе развития, когда начинают действовать тенденции, в прошлом повлиявшие на переход индустриально развитых стран Запада к "обществу потребления", к "государству благосостояния". Каждый шаг советского руководства в направлении к такому типу общества встретит огромную поддержку населения и, напротив, каждый

шаг, уводящий от него, может вызвать взрыв общественного недовольства.

В пользу технократическо-бюрократической реформы говорит и то, что такая реформа позволит правящей элите проявить инициативу и в 80-е годы, как было в 1953-1956 гг., когда стремление удержать инициативу в своих руках оказалось после смерти Сталина главным мотивом всех действий советской верхушки. Об этом свидетельствует также советская политика в Восточной Европе в послесталинский период: интервенция в Венгрии в 1956 г., оккупация Чехословакии в 1968 г. и поддержка введения военного положения в Польше в 1981 г., — то есть для сохранения инициативы в руках центра империи советское руководство отдавало предпочтение военному решению проблем, возникших на ее периферии. В определенном смысле военное вмешательство в страны Восточной Европы было для советских властей решением локальных проблем; такое же решение может быть использовано и при подавлении локальных протестов в Советском Союзе. Однако принципиальные проблемы Советского Союза, обуславливающие кризис советской экономики, "советская военная интервенция" решить не в состоянии.

В отличие от руководства Польши, советское руководство еще может некоторое время сохранить инициативу в своих руках. Степень идентификации национальных интересов с советской системой в России намного выше, чем в Польше или в других странах Восточной Европы. Исторические традиции, которые позволили бы надеяться на перемену системы в СССР в результате давления "снизу", напротив, не идут ни в какое сравнение с традициями восточноевропейских государств. В Советском Союзе перемены в значительной степени зависят от действий власти имущих, поскольку советское общество более инертно политически, чем общественность других стран советского блока.

Если резко ухудшится снабжение населения, то и в СССР, возможно, начнутся рабочие забастовки и демонстрации; весьма вероятно, что в таком случае власти прибегнут к насилию. Однако в ближайшие годы такого рода массовые протесты, если они и начнутся, будут изолированы локально (в рамках завода или города) и не перерастут, как в Польше, во всенародное движение сопротивления. Но если продолжить сравнение с Польшей, то сравнивать СССР 80-х годов следует с Польшей

70-х, когда инициатива находилась еще в руках польского руководства. В последние годы советские власти уже начинают ее терять, но еще не вынуждены уступить, так как в СССР нет массовой организованной силы, которая выступает против власти. Оппозиция, требующая проведения экономической реформы и одновременно политического плюрализма, в Советском Союзе весьма слаба. Даже советские диссиденты в большинстве своем строят анти тоталитарную программу не на принципах политической демократии, характерных для современных индустриальных государств Запада, а на традиционных ценностях доиндустриальной России. Эта оппозиция состоит, в основном, из представителей интеллигенции и выступает она против таких элементов советской системы, которые в настоящее время очень сильны (политический надзор над обществом, информационная изоляция и т.д.), почти не интересуясь вопросами управления хозяйством, хотя именно эта область переживает тяжелый кризис. Экономика вообще оказывается вне поля зрения советских диссидентов, и до сих пор еще не был проделан экономический анализ, на основе которого оппозиция могла бы разработать свою альтернативу. Возникшее в Советском Союзе инакомыслие — результат нравственного и культурного кризиса советской системы, а на этой арене вряд ли произойдет решающее столкновение с правящей элитой СССР.

Именно поэтому можно предполагать, что в 80-е годы в Советском Союзе окончательное слово в процессе преодоления кризиса будет за правящей элитой, вернее, за той частью элиты, которая одержит победу в борьбе за власть, как это произошло после смерти Сталина. В общих чертах советскую элиту можно разделить на две группы: сторонники экономической реформы (технократы) и ее противники (часть политической, то есть партийной и государственной бюрократии). Столкновения по вопросу реформы будут, однако, проходить не только между этими четко очерченными группами, но и внутри каждой из них.

К экономической бюрократии, например, относятся как носители технократических тенденций, так и противники реформы. Противники — это, в первую очередь, те, кто тесно связан с деятельностью аппарата и положение которых зиждется на существующей в настоящее время системе центрального директивного планирования (работники министерств и плановых органов).

Эти-то люди и сыграли важнейшую роль в свержении Хрущева, защищая и защитив столь важную лично для них стабильность системы.

В период с 1965 по 1975 гг. система действительно была относительно стабильной, однако, в настоящее время советская экономика переживает кризис именно потому, что провалилась концепция противников реформ, так что в будущем их положение окажется совсем не легким.

Политическая бюрократия, главным образом, партийный аппарат, тоже не монолитная группа. Если экономическая реформа в СССР будет проведена и даже если она будет носить не демократический, а технократический характер, реформа все равно ограничит возможности партийного аппарата произвольно вмешиваться в хозяйственную жизнь страны. Следовательно, часть аппарата, которая осуществляет партийное руководство экономикой, неизбежно будет противиться экономическим реформам. Другие же сотрудники партийного аппарата занимаются иными вопросами, и поскольку главная цель партийной бюрократии — сохранить руководящую роль партии, определенные круги партаппарата, возможно, поддержат реформу.

Советский опыт показывает, что "руководящая роль" партийной бюрократии может быть обеспечена лишь путем достижения компромисса между основными группами правящей элиты, так что достижение основной цели партийного аппарата зависит от целого ряда факторов, а не только от сохранения за аппаратом права вмешиваться в принятие экономических решений.

Можно предположить, что, принимая решение о путях преодоления экономического кризиса, советская политическая бюрократия будет прежде всего руководствоваться следующими критериями:

1) позволит ли данное решение сохранить "руководящую роль" партийной бюрократии и союз всех групп правящей элиты и;

2) укрепит ли данное решение советскую гегемонию в советском блоке. Удовлетворить одновременно и первый и второй критерий будет совсем не легко.

В процессе преодоления экономического кризиса партийной бюрократии придется выработать новый вид отношений с поли-

цией и армией. Абстрактно рассуждая, можно прийти к выводу, что ни полиция, ни армия не заинтересованы в том, чтобы советская экономика переживала хронические трудности, так как они могут вылиться в массовые протесты и ослабить военную мощь государства. На деле же и полиция, и армия будут, вероятно, стремиться к тому, чтобы возможные экономические реформы не ограничили их влияния в государстве и не поколебали их позицию в рамках правящей элиты.

Что же касается полицейского аппарата (мы имеем в виду ту его часть, которая осуществляет политический контроль над населением), то его можно будет привлечь на сторону экономических реформ, но только технократических, так как в отличие от демократических, они не ставят под угрозу тоталитарную систему и роль политической полиции. Весьма возможно, что в процессе проведения реформы роль полицейского аппарата еще более возрастет: он сможет стать *источником информации* о социально-политических движениях и *инструментом подавления* в зародыше всех нежелательных для власти тенденций. Поскольку в условиях экономического кризиса, даже когда его стараются преодолеть, возникает опасность взрыва общественного недовольства, то партийная бюрократия для сохранения своей "руководящей роли" может поддержать и защитить полицейский аппарат.

Более серьезную проблему представляют военные, так как армия играет не только внутривнутриполитическую, но и видную внешнеполитическую роль. Военные могли бы поддержать технократическую экономическую реформу, но при условии, что она не подорвет привилегированное положение военной промышленности и политическое влияние военных.

Можно, таким образом, утверждать, что интересы различных групп правящей советской элиты не настолько противоречат друг другу, чтобы воспрепятствовать решению экономического кризиса в СССР путем проведения реформы технократического типа. Из этого, однако, не вытекает, что такая реформа произойдет. Но даже если советские власти ее осуществят, это еще не откроет путь к демократизации советской системы (в отличие от восточноевропейских государств, в которых *все* попытки проведения экономической реформы увязывались с необходимостью демократизации режима).

Даже успех технократической реформы в Советском Союзе не будет означать реформы коммунизма как системы. Попытки реформировать коммунистическую систему, возможно, зародятся в среде коммунистической интеллигенции, но они вряд ли найдут благоприятную почву среди власть имущих. Не получат поддержки реформистские коммунистические идеи и среди активных групп инакомыслящих, поскольку ориентация советского инакомыслия совершенно иного толка.

Что же касается идеологического обоснования технократической реформы, то, по всей вероятности, на вооружение будет взято нечто вроде "принципа эффективного общества". В советских условиях такой лозунг будет выдвинут во имя осуществления "ленинских идей", "ленинских методов производства", он будет рассматриваться как "орудие строительства коммунизма" и т.д. Во имя этого принципа будет насаждаться "порядок" вместо существующей "анархии", а под "анархией" понимается и деморатический плюрализм; на передний план выйдут критерии рационального и эффективного производства. Опираясь на такие идеологические постулаты, правящая элита сможет и в будущем сохранить тоталитарный характер политической власти и подавлять все стремления к демократии и плюрализму.

Следует отметить, что технократическая реформа в СССР все же может создать предпосылки для демократических перемен в будущем. Ведь экономическая реформа, пусть и технократического типа, ставит менеджера в более привилегированное положение по сравнению с политическим бюрократом. В настоящее время критерием квалификации бюрократа является мера его послушания начальству. Но до сих пор, несмотря на то, что многие марксистские исследования советского общества отмечают выдвижение технократии, технократы продолжают по своему значению уступать аппаратчикам.

Внедрение критерия эффективности правящей элиты неизбежно повлечет за собой использование таких механизмов контроля, при помощи которых можно будет определить эту эффективность. В политической системе, где до сих пор проверялась лишь степень лояльности к вышестоящим, определение эффективности станет серьезной переменной к лучшему. Это не означает, что установится обратная связь, существующая в демократическом обществе, но возникнет новый тип связи между правящей элитой и обществом.

Введение принципа эффективности не означает демократизации политической системы советского типа. Более того, если в результате технократической реформы появится возможность демократизации системы, то это произойдет вопреки намерениям правящей элиты, целенаправленность которой и в дальнейшем будет антидемократической, в сторону стабилизации тоталитарной системы, но если в 80-е годы реформа осуществится, она все же затронет два важнейших элемента современной советской системы:

— предоставление автономии некоторым экономическим субъектам нарушит неразрывную связь политической и экономической власти;

— внедрение критериев эффективности установит своего рода обратную связь между элитой и некоторыми участками общественной деятельности.

При запоздалом решении конфликтов между отдельными группами правящей элиты в Советском Союзе может создаться такое положение, которое приведет к взрыву общественного недовольства. Получается своего рода парадокс: страх советского руководства перед протестом масс может помешать своевременному проведению реформы, которая могла бы на некоторое время стабилизировать нынешнюю систему и воспрепятствовать проявлениям недовольства. Если осуществится такой вариант, то советское руководство неизбежно прибегнет к насилию и полицейскому террору с вытекающими из этого последствиями. Но как бы то ни было, направление, по которому пойдет Советский Союз, определится в первой половине 80-х годов.

Вторым фактором, который может повлиять на выбор методов преодоления экономического кризиса в СССР, является положение в странах Центральной Европы. Эти страны советской сферы влияния отличаются от СССР тем, что проведение экономических реформ там нельзя отделить от политических. В Польше, например, просто невозможно предоставить большую самостоятельность предприятиям, не воскресив при этом призрака независимых профсоюзов. В Чехословакии, где необходимость проведения экономических реформ давно назрела, их невозможно будет отделить от критики так называемой "нормализации", проводившейся в стране с 1969 г. Если же Советский Союз воспрепятствует реформе в Польше и Чехословакии, то такой

шаг бумерангом ударит по советскому руководству. В Венгрии и ГДР положение несколько иное, но тоже отличается от положения в СССР, поскольку в этих странах общество более настойчиво требует проведения реформ.

Различия в уровне развития между странами советской сферы влияния, которые обусловили кризис 50-х годов, не выравнялись до сих пор. В интересах укрепления своей гегемонии советская верхушка затормозила развитие не только стран Восточной Европы, но и СССР. Не исключено, что она продолжит такую политику и в 80-е годы. Тут, однако, вступает в действие новый фактор. В 1956 и 1968 гг. советское руководство еще могло подавить реформы в странах Восточной Европы, не ставя при этом под угрозу стабильность своего государства. В 80-е годы советское вмешательство в дела восточноевропейских стран оказалось бы чреватым серьезнейшими последствиями для Советского Союза, и ликвидировать эти последствия советское руководство могло бы только путем массового террора.

Пока еще трудно определить, какому решению отдадут предпочтение советские руководители — полицейскому или экономическому. И не исключено, что интересы сохранения советской гегемонии в блоке станут тем фактором, который помешает проведению экономических реформ в СССР.

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы:

В 80-е годы центр тяжести кризиса, который переживают системы советского типа, переместится в СССР (как в 1953 г.). Главной силой, которая приступит к решению этого кризиса, будет советская правящая элита. В настоящее время кризис вызван *экономическими* трудностями, но решать его будут, исходя из *политических* интересов советской элиты. В 80-е годы вряд ли произойдут существенные изменения тех связей, которые сложились за годы существования советской системы и которые делают ее тоталитарной. Но если в процессе преодоления экономического кризиса советское руководство при помощи экономических факторов добьется относительной стабилизации системы, то расширится простор для деятельности социальных групп, стремящихся к преодолению характерных для системы

недостатков и к ее демократизации. Возможности этих групп увеличатся благодаря возникновению элементов плюралистической системы по ходу экономической реформы. Если же советская система в 80-е годы будет держаться на военно-полицейском насилии, то неизбежные в будущем кризисы еще больше обострят конфликты вплоть до образования революционной ситуации.

По какому бы пути ни пошел Советский Союз в 80-е годы, очевидно одно: противоречия между социально-политическими задачами СССР и стран Восточной Европы будут постоянно углубляться.